

18+

ОЛЯ ЗВЕРЕВА

Возвращение

К ВОЛЖСКИМ БЕРЕГАМ

Оля Зверева

Возвращение.

К волжским берегам

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72173647

ISBN 9785005068859

Аннотация

Врывается на миг из сна – и в прошлое зовет: Вставай, лентяйка, не до сна, – на Волге ледоход. Проснулась мудрая река, взломала берега... Всё как тогда, когда всю ночь я этот миг ждала. Разлом реки и грохот льдин, и крик отца: Пошла... Настежь распахнуто окно. Восторг! Весна! Весна! Ольга Зверева

Содержание

Пролог	6
Детство – это когда кот старше тебя	9
Книга «Возвращение к истокам. К волжским берегам» посвящается моему внуку Саше. Выдающемуся спортсмену, успешному ученику и Замечательному человеку с любовью и пожеланиями счастья!	12
Река любви, разлуки и печали	14
Маме	14
Первый снег	26
Ох уж, эта странная чечётка	31
И в прошлое зовёт	39
Поле, ветер, сильная поземка	42
Юность	46
И пьяные сирени во дворе	48
Аромат уходящих суток	51
Буду слушать и мечтать	52
Ветлы у дома	54
Я сегодня забыла суть даты	63
Лишь только боль...	73
Рву малину	75
Танечке	77
Зимняя сказка	83

Разговор под Рождество	86
Оля	89
Счастье!	93
Апрель	97
Мне снилась радуга	98
Летний дождик	100
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Возвращение К волжским берегам

Оля Зверева

Благодарности:

Ольга Николаевна Зверева – Едутова

© Оля Зверева, 2025

ISBN 978-5-0050-6885-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

«Нигде, ни в каком городе мира, звёзды не светят так ярко, как в городе детства».

Книга «Возвращение», – возвращение к волжским берегам, – поэтическое повествование о моей жизни. Не смогу вспомнить сейчас, какая из стихотворных зарисовок о моих близких и друзьях появилась первой. Но по мере того, как они создавались, начали возникать новые воспоминания. На лист бумаги ложились стихи. Я посчитала, что и воспоминания о юности заслуживают внимания, да и то, что происходит в моей жизни сейчас интересно и имеет право быть запечатленным в книге воспоминаний. Каждая книга предполагает наличие пролога. Изначально, я написала перед публикацией какой – то очень замысловатый пролог. Разместила его перед текстом книги. Невероятным образом он растворился, исчез, стерся. Писать вступление для книги – занятие скучное, неблагодарное и прямо скажу бесполезное. Я отыскала в пространстве интернета мысли людей о том, как они характеризуют эту удивительную пору человеческого перехода в мир взрослых. Прочла их и решила поделиться с читателем.

С большинством высказываний полностью согласна. А вот такое – «Мне кажется, что одна из самых больших

удач в жизни человека – счастливое детство», – заставило задуматься. Что считать счастливым детством предположить можно. Но и, прожившие трудное детство без любви, без дружной семьи, считают эту пору самой счастливой и значимой. Пожалуй самая большая удача – это само детство.

«Детство – это то, что мы потеряли во времени, но сохранили в себе». Эльчин Сафарли

«Человек начинается с детства. Именно в детстве происходит посев добра». С. Михалков.

«Детство – это свет в начале туннеля». Дмитрий Пашков

«Забавы взрослых называются делом, у детей они тоже дело». Августин Блаженный

«Детству следует оказывать величайшее уважение». Ювенал Децим Юний

«Лучше плакать в детстве, чем в старости». «Никогда не поздно устроить себе счастливое детство». Уэйн Дайер

«Ты навсегда обладаешь лишь тем, что имел в детстве».

«Детство – это свобода от возраста». Аркадий Давидович Тонино Гуэрра

«Детство – это когда кот старше тебя»

В светлый, лунный вечер
Снова будут встречи,
И под шелест листьев
Ласковые речи.

**Детство – это когда
кот старше тебя**

**Книга «Возвращение к истокам. К волжским
берегам» посвящается моему внуку Саше.
Выдающемуся спортсмену, успешному
ученику и Замечательному человеку
с любовью и пожеланиями счастья!**

Река любви, разлуки и печали

Маме

Ветреный морозный зимний вечер.
На стене белеет календарь.
Ход времён нещадно быстротечен.
На дворе ещё один январь.

В памяти обрывки, отголоски,
Прожитых, так непохожих зим.
Писем старых, выцветших наброски, —
Лет, давно прошедших, едкий дым.

С фотографий стёртых смотрят годы.
Каждый штрих, как старый кадр, размыт.
Бархатный альбом взят из комода —
Век иной, совсем иная мода.
Встреча невозвратностью пленит.

Близкие уснули, тихо в доме.

Свет луны – сквозь полумрак окна.
Я альбом открыла, а в альбоме
Старый мир и старая страна...

Девочка, на вид совсем подросток,
Серые глаза, счастливый взгляд,
Принимает от сестры ребёнка.
Куйбышев. Январь. Больничный сад.

На снегу огней весёлых россыпь,
Блики городского фонаря.
Докторша, на вид совсем подросток, —
Это мама юная моя.

У вокзала за знакомым сквером
Разместился трехэтажный дом.
В памяти запомнился мне белым.
Тётя в нём была главным врачом.

Мама здесь дежурила ночами
Няней, акушеркой, медсестрой,
Годы обучения за плечами.
Принята в «родильное», врачом.

ДИПЛОМ

В № 649042

Предъявитель сего тов. Беспалова
Гилина Васильевна
в 1945 г. поступила и в 1950 г. окончила
полный курс Лиховиновского
Государственного Медицинского
Института
по специальности медицинского
фаскультета
и решением
Государственной Экзаменационной Комиссии
от 3 июля 1950 г. ей присвоена
квалификация врача

Председатель Государственной
Экзаменационной Комиссии

М. П.

Директор
Секретарь

Город Лиховинов 1950 г.

Регистрационный № 227

Л 28075 10/III 1948 г. Говзак. Москва. Тир. 150,000 экз. Зам. 2238.

Её папа, фельдшер разных практик,
Гинеколог, главный врач, – сестра.
Настя – добрый, опытный наставник.
Продолжать историю пора...

От больницы несколько кварталов,
Звон трамвая: – Что, дойдём пешком?
Через край... шампанское в бокалах!
– Николай, Володя, мы вас ждём...

Шумная ватага подбежала.
Драгоценный передав конверт
Мужу, улыбнувшись, прошептала:
– Что застыл, словно усталый дед.

Бурки белые, пальто из драпа,
Тоже врач, и молод и красив,
Снег кружился, а счастливый папа
Дочку нёс под простенький мотив:

«Белла, Белла Донна, Донна дорогая,
Я тебя в таверне ночью ожидаю!».
Помнят до сих пор мои подружки
Все его весёлые частушки,

Песни о любви под мандолину,
На стене красивую картину.
Чтоб в душе оставили потомки
Образ «Неизвестной» незнакомки,

В каждом доме украшала стену, —
Атрибут из прошлых, неперенный.
Это было, но уже потом,
А пока – пришли. Красивый дом

С аркой, площадь Куйбышева, рядом
Оперный театр, напротив парк.
Фонари и зимний город, радость.
Век двадцатый. Жизнь. Примерно так.

Свет в окошко падает рассветный.
Стол, альбом и снимков старых ряд...
Каждый интересен несомненно,
Но один приковывает взгляд.

Юная, на вид совсем подросток,
Серые глаза, счастливый взгляд,
Держит дочку, первого ребенка.
Куйбышев. Январь. Больничный сад.

На аллее возле строгих сосен

Ты стояла много лет назад.
Безутешно в сердце плачет осень...
С фотографий на меня глядят

Мама и отец – наряд по моде:
Шубка котик, шарф – шотландский твид,
Валеные бурки по погоде.
В центре снимка девочка стоит.

Шубка кролик, шапочка – цигейка,
Шарфик, валенки – серьёзный взгляд.
Дружная счастливая семейка —
Это было жизнь тому назад!

Возвращаюсь вновь к её истокам.
Город детства, милый старый дом.
Там над аркой свет знакомых окон,
Только нет людей любимых в нём.

В каждодневной суете столичной,
Где как данность день, как праздник год,
Расставанье с прошлым нам привычно,
Так же, как часов неспешный ход.

Но порою, вырывая даты,
Календарный нарушая строй,
Застываешь в горе, как когда – то,
Наблюдая за собой, за той.

В январе в рождественские святки,
В голове звучит набат времён.
Прошное врывается украдкой,
Превращаясь в колокольный звон.

В праздничных весёлых поздравленьях,
В песнопеньях святочных ночных,
В лучший день, день своего рождения
Вспоминаешь близких и родных.

Вдруг, в минуты шумного застолья,
В ожиданьи счастья и любви,
Зубы стиснешь от внезапной боли,
На стене узрев календари.

Ветреный морозный зимний вечер.
Начинаем новый календарь.
Ход времён нещадно быстротечен.
На Земле ещё один январь.

Первый снег

«Первый снег, как мило», —

Вот и всё.

Землю белым саваном укрыл.

На душе тревожно и смурно...

Горестно бреду среди могил.

Снег, быть может, ты посланец сна,

Уносящего в печальный час,

Где прощались близкие сердца,

В декабре оставившие нас.

Первый снег, ты радовал всегда,

Ты дарил восторг, рождение силы.

А сегодня, выглянув в окно,

Буднично шепчу, как мило, мило.

Грустный сон проснуться не велит,

Возвращает к родовым истокам,

Где отец смеётся надо мной,

Вязнущей в сугробах возле окон.

Состязается со мною дед,

Раз за разом в гонке, обгоняя,

Злюсь, опять упав на лыжный след,
От обиды, проиграв, рыдаю.

Из подлобья, не простив, слежу,
Как они о чём – то рассуждают.
Рассердившись к бабке ухожу.
Та меня без слова понимает.

Глаз весёлый блеск, лукаво скрыв,
И понятно – ей бы мои беды,
Разворчалась, сына осудив,
И чуть – чуть досталось даже деду.

Ну, а я сдаваться не хочу,
В уголке надолго затаилась.
А отец: «Ну, Олик, я шучу,
Выходи на ужин, сделай милость».

Так и быть, опять уговорил,
Запах пирожков обид дороже.
А ещё, надеюсь, что потом,
Шахматную партию предложат.

Вот уж от чего не откажусь,
Правда, мне и здесь не ждать победы.
Только я без боя не сдаюсь,

И порой ничья выходит с дедом.

Детство, детство, где уж нам забыть
Море слёз и упоенье смехом,
На любой, вскользь заданный вопрос,
Отвечала радость громким эхом.

Сундуки задумок и надежд,
Кошельки с признаньями подружек,
Кружева придуманных одежд,
Грёзы, согревающие душу.

Полные сокровищ чердаки,
Сказки, тайны – клад бесценный детства,
Не доступный для чужой руки,
Спрятанный навек в глубинах сердца.

И подарком, слаще калача,
И желанней леденцов звенящих.
Мягкий и пушистый первый снег.
По ноябрьской улице летящий.

А сейчас восторг, из дней былых,
Пробуждает медленно от сна,
И слезу в глазах, не медля, скрыв,
Отхожу тихонько от окна...

Первый снег, и новая зима.
Выпал первый снег. Пора в дорогу.
Значит будет новая весна.
Выпал первый снег, и слава Богу!

Ох уж, эта странная чечётка

Утро начинается с чечётки
Третий день отец долбит об пол.
Я сижу послушно у окошка
И слежу, чтоб дед вдруг не зашёл.

Бабка заглянула и смеётся.
Хоть сынок и молод, и красив,
А уж целую неделю бьётся
Под какой – то западный мотив.

Ох уж, это странная чечётка,
Не выходит слаженно и чётко.
Пол деревни сторожит у входа,
Не понять совхозному народу,

Почему зубной, в народе Колька,
Бьёт чечётку и когда, во сколько,
Загудит моторчик бормашины,
И приём начнётся, а причина

В том, что нет врачей у нас в округе,
А у Кольки золотые руки...
Учится сейчас на агронома,

Этого добра полно и дома.

Мы зерна стране даём в достатке.
А вот зубы, зубы не в порядке.
Колька нам их всем вставляет даром.
Ведь в России ходовым товаром

Коньячок – отличная находка
Вместо денег, – не отыщешь – водка...
Чтобы намертво во рту стояли,
Их столичной водкой обмывали.

Наш сосед ближайший, дядя Вася,
Уж неделю целую на квасе,
Зубы обточили, подровняли,
Только вот протез не подобрали.

Чтобы всё как есть в порядке было,
Кольке надо прикупить эфира.
А аптекарша лежит в больнице.
Ну, конечно, дядя Вася злится...

Ни поесть досыта, ни напиться.
Ну, скажите, как же тут не злиться.
Он мужик непьющий и спокойный,
Ну не то чтоб вовсе, – не запойный.

Брал Берлин, потом три года службы,
Понавёз подарков для Танюшки.
Платья, куклы, сумочки, игрушки.
В чемоданах это всё хранилось.

7 лет

Дочка родилась, и пригодилось.
Ну не дочка, родился б сыночек
И ему б хватило, между прочим.
Ну, так вот: она моя подружка,

И играем вместе мы в игрушки.
Мой то, был совсем сопливый парень,
А туда ж на фронт, в бою был ранен,
В Андижанский госпиталь отправлен.

Так в ноге осколок и остался,
С ним почти полгода провалялся,
Извлекать его врачи не стали,
Как умели ногу сохраняли.

Дома бабушка с ума сходила,
Сын один, уж как его любила.
Отшофёрил год и возвратился,

А потом на техника учился
В Куйбышеве, в школе зубопротезной.
Вот теперь зубной, для всех известный.
Учится еще на агронома,

Но каникулы проводит дома,
То футбол, то танцы, то попойка,
Но короночки шлифует бойко.
Чтоб ему быстрее освободиться,

Мне порой приходится трудиться,
То шлифую, то ползу под сени,
Если в подпол улетят от рвения,

Говорит, – работай осторожно! —

Но остановиться невозможно.

Хочется познать науку сразу.

Вот и ползаю, ищу её заразу.

Отработали, обед и речка,

Стадо возвращается под вечер.

Всех овечек быстро в хлев загнали,

Утки дома. Куры на нашесте,

Папа собирается к невесте,

С матерью давно они в разводе,

На ночь к местной медсестре уходит.

Вечер продолжается чечёткой,

Это я уже скачу как слон.

Таня караулит у окошка,

И следит, чтоб дед вдруг не вошёл.

В жизни всё размеренно и чётко,

Но не эта странная чечётка.

С бабушкой. Как же в детстве бываем нелепы в своем желании настоять на своём. Взгляд изподлобья запечатлел фотограф.

И в прошлое зовёт

Врывается на миг из сна —
и в прошлое зовет:
Вставай, лентяйка, не до сна, —
на Волге ледоход.

Проснулась мудрая река,
взломала берега...
Всё, как тогда, когда всю ночь
я этот миг ждала.

Разлом реки, и грохот льдин,
и крик отца: Пошла...
Настеж распахнуто окно.
Восторг! Весна! Весна!

10 класс. Последний звонок.

Поле, ветер, сильная поземка

Поле, ветер, сильная позёмка
Замела дорогу на село.
Зги не видно, светится в потёмках,
Лампой освещённое окно.

Постучали в дверь, и нам открыли,
Боязливо пригласили в дом,
На скамье в прихожей усадили.
Встала бабка молча у икон.

Попросила Бога о прощеньи,
Помолилась за спасенье душ,
А потом кивнула нам с почтеньем.
– Вас на ужин приглашает муж.

Быстренько на блюдо побросала
Всё что было – плюшки, пирожок.
Принесла из сенцев кусок сала,
Вынула из печки чугунок.

Теребя смущенно угол шали,
Пригласила, – проходите в зал —
Чем богаты, мы гостей не ждали.

Угощайтесь тем, что Бог послал.

Дед скрыть раздражение не пытался,
Дал понять, что мы не ко двору.
Мол пораньше нынче спать собрался,
Ведь работы много поутру.

Но чаёк горячий попивая,
Сахарок щипцами разломил,
Оживился, в такт словам кивая,
И фитиль поярче подкрутил.

Искорки в глазах уже плясали.
Всё не с бабкой вечер коротать,
Гости в пути многое видали.
И о том готовы рассказать.

Да и бабка, видно уж устала
От досужих песен ворчуна.
И для сна, взбивая одеяла,
Краем уха слушает сама.

Главное, про что ведут беседу:
Мол Гагарин, первый космонавт,
Мир чужой без малого, объехал.
Как героя мир его встречал.

Видано ли, космос покорили.
Кто? – простой рязанский паренёк
Землю нашу облететь осилил,
Первым на планете это смог.

Мол, не англичане, не французы
Не смогли такое совершить.
Дальше разговор про кукурузу,
– Ну, нашли о чём поговорить!

Поле, ветер, сильная позёмка

Замела дорогу на село.

Зги не видно, светится в потёмках,

Лампой освещённое окно.

Юность

Аромат степи, воды и солнца
Подарила юность мне моя.
Я была бездонна. И наполнить
Смог лишь мир с избытком бытия.

Ландыши старались всей поляной,
Колдовали с дубом и сосной,
Так, что я домой являлась пьяной
От их переклички колдовской,

А сирень дурманом ворожила,
Наклонившись низко над рекой,
Веток этих наломать спешила
И несла охапками домой,

Нам ромашки, дерзкие мальчишки,
Ворохом бросали на крыльцо.
И ковыль в моей руке, пушистый,
Щекотал любимому лицо.

Много лет прошло, и ароматы
Ненаглядной стороны родной
Будят в сердце нежность, а раскаты

Гроз ночных и утренний прибой

Создают гармонию мелодий

И рисуют песенность стиха.

Ароматы жизни дарит снова

Юность – Остов и моя основа.

И пьяные сирени во дворе

И в памяти моей живет весна,
Бушует, словно вечный океан.
Быть может, это первая любовь
Всплывает как счастливый талисман.

Быть может, это сердится судьба,
Нанизывая ниточку из грез —
В ней от ольхи сережек кутерьма
И солнечный букет из желтых роз.

В ней белых майских ландышей дурман,
И пьяные сирени во дворе.
Бушует, словно вечный океан,
Записка, что держу сейчас в руке:

— Ты знаешь, я хочу с тобой дружить.
Не скажешь — да, я не сумею жить.
Быть может, это ты моя судьба? —
И в памяти моей наша весна.

Бушует, словно вечный океан,
Та детская любовь, наш талисман.

18 лет. Куйбышев.

Аромат уходящих суток

Аромат уходящих суток
Будоражит душу надолго.
Я не знаю, смогу ль вернуться
К берегам твоим дивным, Волга.

Дом, почти погружённый в воду,
По весне, дарящей разливы,
Одряхлел, постарели ивы,
И от гроз стволы почернели.

Их трепали дожди и метели,
Но стоят, беспокоя память.
Юность, то, что навечно с нами.
За ветрами, снегами, едва ли

Разглядишь ожиданье и грусть.
Чаще – солнце. Цветы сирени
Мы в охапках в рассвет весенний
Уносили, кустов не жалея,
И бежали домой по аллеям.

Буду слушать и мечтать

Во дворе июльский дождик
Барабанит по корыту.
Дед ушёл и дверь закрыта.
Можно дольше полежать...
Все дела свои заброшу —
Буду слушать и мечтать.

Май 1976 года. Во дворе у дома бабушки и дедушки. Дочь Женья, пёс Мухтар и корова Красотка. Ретро по деревенски.

Ветлы у дома

«Ветла – дерево, распространённое в средней полосе России»

Большая энциклопедия

Село, в котором жили мои бабушка и дедушка, в котором вырос отец, состояло из двух улиц, протяжённостью чуть более половины километра, разделённых просёлочной дорогой. Эту одноколёйку только условно можно назвать дорогой. Основное её назначение – продвижение комбайнов, тракторов, велосипедов к домам совхозных рабочих, свиначарок, служащих второго отделения зерно – совхоза имени Масленникова. До середины июня всё свободное пространство вокруг покрыто густой травой. По ней приятно и почти безопасно бегать босиком. Обувь приобретается только для школы, туфли и резиновые сапожки на случай дождя. Для зимы необходимы валенки. Особая радость, когда в деревню приезжают валяльщики, снимают мерки, получают для работы от заказчиков шерсть овечью, белую, серую или чёрную. Для детских валенок используют особую от пояровых ягнят. Когда мастера привезут готовые изделия, то получают за товар деньги. Для весны в магазинах иногда покупают для детей сандалии. Берегут их для пасхи. Пасху в деревне дети ждут с нетерпением, празднуют радостно, красят яйца луковой шелухой, пекут куличи. Достается

из шкафов изюм, взбивается «гоголь – моголь», который используют для украшения куличей. Если повезёт, детям удаётся полакомиться взбитым сахаром, оставшимся после того, как все куличи украшены. Основные пиршества – в сам праздник. И наряды лучшие – тоже на пасху. Наряжались, и большой оравой шли по домам с мешочками холщовыми, в которых лежали крашенные яйца, входя в каждый дом, чинно произносили: " Христос Воскрес! ». После этих слов дети вручали хозяевам крашенные яйца. В подарок получали конфеты и печенье, специально припасённые в каждом доме для этого дня. Пасха, в коммунистической системе СССР, воспринималась, как естественная традиция, посвящённая встрече весны. Религиозный глубинный смысл этого большого православного праздника был близок только нашим бабушкам. И они, хотя бы таким образом, пытались нам привить главные заповеди: любовь, послушание, уважение к ближнему, к лучшим русским традициям. Мамы и бабушки из сундуков доставали красивые сатиновые и ситцевые юбки. Туфель на взрослых не помню – тапочки кожаные и сапоги резиновые, самая практичная одежда для села. Летом взрослые обычно ходят в галошах, таких какими пользуется в азиатских районах местное население. Для средней полосы галоши редкий товар. Завозят его из Казахстана и Узбекистана. Уже позже, бывая в этих регионах часто, я привозила их в деревню для бабушек, а себе покупала для занятий спортивным скалолазанием. Ну, и ещё, китайские ке-

ды, которые всегда лежали на полках в магазинах Ташкента и Алма – Аты. В Куйбышеве продавались обычные кеды, изготовленные на советских фабриках. Счастливицам удалось купить китайские кеды с товарным знаком «Два мяча». Взрослые для поездок в магазин и центральную усадьбу пользовались велосипедами. Единственный автомобиль, который есть в деревне, это «Москвич – 207», принадлежащий моему деду, токарю мастерской, расположенной в центральной усадьбе совхоза. Центральная усадьба, просто совхоз в обиходной речи, отличается от деревни «невиданным» размахом. Имеются здесь – средняя школа, расположенная в двухэтажном кирпичном здании, несколько двух этажных домов (два или три), больница в одноэтажном типовом доме, характерном для застроек тех лет, которые обычно возводились в сельской местности. Были в центральной усадьбе аптека и столовая. И ещё, что особенно привлекало малышню: книжный магазин, почта, магазин культспорттоваров. Поехать в совхоз и прикупить что-то для себя из недорогих мелочей – весёлое приключение. Находится центральная усадьба совхоза в четырех километрах от нашего отделения, маршрут простой – хорошая грунтовая дорога, проторенная грузовыми машинами, которых в летний период немало движется от зернохранилищ и полевых ангаров, токов к Безенчукскому элеватору. Поля в нашем районе пшеничные, ржаные, и зерна сдавать необходимо строго по плану. Как хочешь крутись, а урожай должен быть высоким. Недаром

в клубе, где проходят собрания, красуется лозунг: «Догоним и перегоним Соединенные Штаты Америки по производству зерна!». В совхоз ходим пешком или едем на велосипедах. Но чаще всё-таки на велосипедах, расположившись на одном вдвоём, а если есть мальчишки старшие, то и троём. Один за рулём, второй на багажнике, если еще и мелких братьев и сестер берут, то на раму велика сажают к себе поближе. Велосипеды у всех взрослые, с мужской рамой, отцовские. «Школьники», такие как в фильме «Сережа», в те времена не по карману семьям были. Я – счастливая обладательница такого чуда. Отец привёз в подарок из города. А сюжет, о том как училась на нём кататься, один в один, сцена из моего любимого фильма. Сначала все старшеклассники попробовали на нём покататься. Потом сжалившись, посадили меня, разогнали, и с крутого вала, обрамляющего водный котлован, чтоб ехать смогла по инерции подольше, оттолкнули. Лет мне было шесть, с такими, по меркам деревни уже взрослыми, особо не церемонились. Ну, и полетала через голову при падении не раз, прежде чем научилась кататься. Да и то, помог отец, который, увидев безжалостный способ обучения, включился в процесс сам: бегал за велосипедом, придерживая за багажник, чтобы мне удавалось сохранять равновесие. Вся толпа оголтелой ребятни, вожаком смакуя каждый поворот и падение, преданно бежала за нами. Когда бабушка позвала на ужин, отец милостиво оставил велосипед самому упорному «компаньону». С наступлением тем-

ноты красивый «Школьник» уже стоял в сених и терпеливо дожидался рассвета.

Утром меня будили комбайны, следующее на поле. Если ток находился недалеко от села, комбайнеры приезжали ночевать домой.

Вётлы у дома

Дети получали неограниченную свободу в летнюю жар-

кую пору. Когда июльское солнце нещадно припекало, трава высыхала, а на просёлочных дорогах земля превращалась в пыль, мы бегали по ней, оставляя следы от босых ног, соревнуясь в том, чей след больше. В жаркие дни улица вымирала и только в грязных лужах, оставшихся на местах, где наш сосед дядя Вася останавливал свою лошадь с цистерной воды, валялись свиньи, чёрные в цвет чернозёма. Воды питьевой у нас на селе было мало. Благодатный источник, – колодец на краю улицы, откуда мы носили воду в вёдрах домой, прогнувшись под тяжестью большого полного ведра. Малышам ведро было по пояс, большим ребятам было чуть проще с ним справляться, но от обязанностей, носить воду для полива огорода или пополнять запасы на день питьевой для приготовления пищи, да и необходимой для того, чтобы напоить домашний скот, не освобождали никого. Уже потом, когда, повзрослев я приезжала каждое лето на каникулы в гости, застала колодец, вырытый поближе к дому. Он обеспечивал водой жителей восьми домов. Ещё позже провели водопровод в каждый приусадебный участок.. Каждое такое изменение – событие наиважнейшее. Обо всём писали мне в письмах, радостно сообщали, что жить становится легче с каждым годом. Колодезной водой заполняли большой цинковый бак в сенях и ведро в избе. Став студенткой, я привезла из Куйбышева красивый эмалированный бак. Вот так по мелочам украшали жизнь сельской глубинки!

Возвращаюсь к названию своей публикации «Ветлы у до-

ма». Эти ветлы, пожалуй, самая знаковая для меня достопримечательность отделения 2. Мой дед по папиной линии, Зверев Фёдор Аккимович, родился и вырос в поселении Куровское Московской области. Вспоминал о своей родине часто, особенно, когда речь заходила о лесах, о грибной породе. В нашем селе, возникшем в период коллективизации, когда заселяли поволжские степи и по призыву партии направляли молодежь поднимать сельское хозяйство в безводных, малозаселенных, скорее глухих районах, деревьев не было никаких вообще. Картофель, лук, дыни, огурцы и помидоры – вот перечень овощных культур, которые доводилось видеть на огородах, расположенных на задней стороне дома. Перед окнами высаживались мальвы. Это нехитрое хозяйство не требовало большого количества воды. А вот у деда за домом росли ветлы. Их было пять. Две из них особенно разрослись. Они имели в своем основании мощные разветвления и образовывали площадки, напоминающие кресла: Одно располагалось на высоте полутора метров, второе почти двух с половиной, кроме того несколько крепких ветвей также можно было использовать для комфортного размещения на ветлах небольшой компании. Дом деда располагался около дороги, которая вела на котлован (искусственный водоём). Преимущество заключалось в том, что я всегда видела, кто из моих друзей идет купаться и в любое время могла присоединиться к ним. На обратном пути мы почти всегда останавливались под ветлами и развлекались как при-

дётся, подтягивались на ветвях, прыгали с них или просто сидели и беседовали на любые темы.

Верхнее кресло обычно занимала я, это был мой рабочий кабинет. Там я читала, писала письма. Значимым увлечением для старшеклассников были шахматы. Партия могла продолжаться 3 часа.

Я была мастером длинных партий. Часто партнеры не выдерживали, считая обдумывание ходов пустой тратой времени, и передавали партию приятелю. Шахматы я носила с собой и на котлован, и в клуб. В клуб летом ходили каждый день. Там стоял проигрыватель, мы ставили понравившиеся пластинки, взрослые танцевали, а подростки просто проводили время, наблюдая, беседуя. Помню, что и там я играла в шахматы. Иногда уезжали на танцы в соседние села. Ещё одно совсем не безопасное приключение. Видимо, в традиции русских мужчин – биться за своих дам, место дуэли в советских селах заняли кулачные разборки.

У одной из 5 ветел. (самой скромной и без раскидистых ветвей кресел)

Я сегодня забыла суть даты

Я сегодня забыла суть даты,
Двадцать первое, бабушки смерть.
Ах, ноябрь, как трепал ты когда-то
Мою жизнь, превратив в круговерть.

Испытання, болезни, потери...
Кто мне силы давал, видно Бог?!
Шла упорно вперёд, свято веря:
Одолею. И он помог.

Улыбалась рассветам радостно.
Смахнув быстро слезу со щеки,
От невзгод отбивалась яростно,
И искала хоть чьей-то руки.

Боль жила в моем сердце долго,
Привыкала к потерям с трудом,
Приходила, как к другу, к Волге,
Где под ивами старый дом

Открывал приветливо двери,
Приглашая пройти за порог.
Только камень былых потерь

С сердца снять даже он не мог.

В парке старом мостик горбатый,
Ива свесилось над прудом,
Я сегодня забыла про даты...
Жизнь идет своим чередом.

МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР

Ф. ТГ-12

ТЕЛЕГРАММА

ПРИЕМ го ____ ч ____ м Бланк № 33 Принят: _____	ПЕРЕДАЧА го ____ ч ____ м № связи _____ Передал _____		КУЛЫШЕВ-69 ВОЛГИНА
			122/26 КВ Ч2 ЗВЕРЕВО ОЛЬГЕ

ВАДА МОРДОВСКОЙ 123 14 22 2121

Служебные пометки

ВЪЕЗЖАЮ ПАПА УМЕР СКОРОПОСТИЖНО-НАДЕЖДА ГЕОРГИЕВНА

Цифры, указанные после названия пункта, отнесены к посланию телеграмму
авиапочтой: 1) № телеграммы, 2) количество слов, 3) число, когда телеграмму
отправят, 4) время отправления телеграммы, 5) время доставки телеграммы
стационарным способом, 6) время доставки телеграммы авиационным способом.

Двадцать первое, вновь застыла
перед храмом Николы я.
Внутри вошла и кольцо осветила,
обручальное от отца.

Вспоминаю, прошло сорок лет
С той зимы... Звонок, телеграмма.
— Горе, Оля, отца больше нет —
Произносит спокойно мама.

Спазм, и я не могу вдохнуть.
Как, такое могло случиться?
Сорок пять всего лишь ему...
Дальше всё как в тумане... Мчится

Поезд к странной станции — ВАД,
С роковым названием нездешним.
Жил отец там, создав семью,
С молодой женою Надеждой.

Отец со своим старшим сыном Славой Зверевым

Дар, назначенный им судьбой
Для любви, для создания быта, —
Два сыночка пяти и трёх лет,
Новый дом, мечты... и разбита

Жизнь. Молодая вдова
Ждёт меня на холодном перроне,
Для неё я частица тепла,
Дочка первая милого Коли.

Я не знаю, как это было,
Где она повстречала его,
Только знаю, всю жизнь любила
Лишь его, его, одного.

И что б крепче к себе привязать,
Привязать надёжно, надолго.
Получилось меня обожать,
Приезжать к нам в гости на Волгу.

г. Куйбышев с будущей женой отца, Чебураевой Надеждой Георгиевной

И бродить со мной по полям,
По лугам среди вётел папиных,
Стать весёлою старшей сестрой,
Пугать нежностью не растроченной.

Я была ее старше на жизнь,
Рассуждала ясно, серьёзно.
И уехала к матери жить,
Так решила. Всё, прибыл поезд.

Взгляд застывший, пустые глаза,
Ни слезинки, — «О боже, боже!
Оля, милая, как же так.
Оля, девочка. Ну, за что же?»

Где смешливая стрекоза, всё пустяк,
Лишь бы он был рядом?
И проносится товарняк,
Обдавая мазутным смрадом.

Встрепенувшись, спешим домой,
Понимая, что там лежит
Наш любимый, такой родной,
Вдруг, он встанет, заговорит.

Входим в комнату, полумрак,
Пиджак чёрный, галстук с алмазом, —
Мой подарок с юга, ему,
Что надеть не успел ни разу.

После первого курса в Сочи
Я поехала отдыхать,
Отпускал с сожалением. Дочку,
Повзрослевшую, не удержать.

Обижался: «Совсем не видимся,
Лишь неделю со мной побыла,
Ждал каникул, у бабушки встретимся,
Отложил все свои дела.

У тебя серьёзная сессия,
Но потом?» – «А потом на юг».
Уезжала, он был не весел,
Милый папа, мой верный друг.

Закружившись в курортных встречах —
Море, солнце, красивый загар,
Не забыли с подружкой съездить
На закрытый сухумский базар.

Съэкономив на ресторанах,
Водолазку купила себе,
Платье Наде, а папе галстук,
Он, довольный, писал в письме:

– «Галстук модный, с красивым камнем
Я надену на Новый год». —
Так случилось, чуть – чуть не дожил,
И теперь «туда» заберёт

Мой подарок. А мне на память

От него золотое кольцо,
То, которое улетело
В доме бабушки под крыльцо,

Отыскав, обещал на свадьбу, —
Талисманом к жизни моей.
— Я надела его на палец
В свете трёх поминальных свечей.

Сохранил, пусть и жили лихо,
Как подарок, для свадьбы моей.
Доброй мачехой передан тихо
В свете тех поминальных свечей,

Что мерцали пред образами...
И не слыша, речей прощальных,
Я не справилась со слезами,
Каменея в немом отчаяньи.

Спазм, и я не могу вдохнуть.
Как, такое могло случиться?
Дальше следовать без него.
Поезд скорый по жизни мчится.

Лишь только боль...

Из детских грёз я извлекаю
Лишь боль... И осязаю,
что одна на свете,
в том мире где живут, как дети, —

моя вина, мои потери.
Для них лишь открываю двери.
И кто сумеет объяснить,
как разорвать мне эту нить,

и почему, понять позволь,
преследует так эта боль?
Для радости и для покоя
Кто двери для меня откроет?

Рву малину

Рву малину, и как – будто слышу
Голос бабушки, родной и милый.
«Оля, набери немного ягод,
А не трудно, и горсточку вишен.

Не понять нам, молодым и зрячим, —
Этот шаг, что до куста малины,
Быстро лишь их память одолеет,
А для ног он бесконечно длинный.

А спросить не каждый ведь посмеет.
Вспоминаю стариков я гордых,
И угрюмых, и судьбе покорных.
И вопрос, ответ пока не слышен.

– Как же жизнь прожить, чтоб на исходе,
Если старость одолеет и подкосит,
Кто-нибудь принёс тебе без просьбы
В дом воды и просто горстку вишен.

Танечке

Я уже давно совсем не плачу. Плакать,
Блиzkих злить или смешить.
Нужно просто вкалывать и жить,
А не разводить в квартире слякоть.

Но сегодня перед Новым Годом,
Обдало воспоминаньем жгучим.
Ветер, обжигающий, колючий,
Низкая холодная позёмка,

Топот в сенцах и весёлый звонкий,
Голос самой дорогой девчонки,
Что жила в домишке по соседству.
— Можно я на печку к вам погреться? —

— Танечка к тебе, — от счастья таю,
Ведь теперь мы с нею поиграем.
С той поры прошло почти полвека,
Средь друзей нет ближе человека...

Дядя Вася, тетя Мотя, дед,
Бабушка, отец возле крыльца.
Да, Татьяна, всех их больше нет.

Вот такая жизнь – была – прошла.

Помнишь, как с тобою мы бывало
Приходили в школу утром рано,
Звали тебя Танечкой в деревне,
Выдумщицей ты была упрямой.

Всё за что бралась, легко давалось,
Я потом настырно добивалась,
Чтоб не хуже на коньках кататься,
С гор съезжать, бесстрашно кувыркаться.

И пока я в снег врубалась носом,
Ты уже любовные вопросы
Нам решать беспечно помогала.
Без тебя, я б сих пор не знала,

Что такое флирт и в клубе танцы,
И ещё прогулки под луною.
Увлечённо в шахматы, не скрою,
Я куда успешнее играла...

Перед моим домом постоянно
Собирались на большой поляне.
То лапта, но чаще матч футбольный.
На воротах Танечка и Оля,

Это было каждому известно.
А в команде, кто придёт, – все честно.
Мяч то мой, да и поляна наша,
Место сбора славного отряда
Пионеров, я в нем председатель.
Мы тогда учились в третьем классе.
В магазинчик, бабушка за хлебом
И за солью попросила сбегать.

Зий и 4ый классы начальной школы отд. №2, с/х Масленникова

Танечка отправилась со мной.

Пока я продукты покупала,

Ушлая подружка раскопала

Среди мыла, спичек, папирос

Крохотный флакон одеколона.

Продавщице задаёт вопрос:

«Тетя Валя, что это такое, сколько стоит?»

Да и я, не скрою, с любопытством

Прочитав – «Жасмин», узнаю,

Всего двадцать копеек,

Да, пожалуй, и купить посмею,

Дед и бабка внучке доверяют

И про ту покупку не узнают,

И не будут на меня сердиться...

Таня знает, как распорядиться

Маленьким флакончиком.

«Устроим нынче мы весёлую пирушку».

Да, быстра на выдумки подружка.

«Самогон и брагу пить нам рано,

А одеколончик – ну, пора уж».

И решили мы устроить встречу.
Помним до сих пор про этот вечер.
Деньги собирали, кто что может,
Весь «Жасмин» забрали из сельмага.

Парни притащили с собой брагу
И махорку, – у кого что было, —
Я у деда «Север» утащила.
И отправились к реке в ночное,

Лошадей водили к водопою
И верхом катались, веселились.
Пели песни, те, что полюбились, —
«Маленькая пуговка», «Каховка»...

Про «Жасмин» забыли, только Вовка
Разглядел, – к нам быстро шла по валу
Бабушка моя и причитала —
«Господи, позор... Узнали в школе,

Пьет и курит внучка моя, Оля».
Рассказал всем Сашка про попойку,
Помним до сих пор головомойку.
На линейке все давали клятву

«Пить, курить, теперь вовек не будем!»
Случай тот до смерти не забудем,
Тот «Жасмин», ту брагу на терраске,
«Север» и линейку для острости.

Получили славный нагоняй.
Прятала «Жасмин» я в стоге сена,
Ты же, с его помощью хотела,
Всех парней к себе приворожить.

Что ни говори, а славно жить,
Если жизнь лишь первые страницы
Для тебя пока перелистнула,
Год роман, и вот уж пятьдесят!

Что- то маловато, только память,
Может жизни каждую страницу,
Ну, почти в деталях начертить.
Вспоминать когда их? Надо жить!

Танечка... и это Вова с Ветой,
Танечка... уже четыре – внука.
Танечка... путь к океану сделан,
Лиссабон... передавай приветы
Комсомолке из страны Советов.

Зимняя сказка

Хрустали разбросала зима.
Ты назвал этот мир бездорожьем.
И закралась вдруг в сердце тревожность, —
Кто подарит мне ключик в дома,
Что укрылись в снегах?

Осторожно
Пробираюсь по узкой тропе...
И сугробы, сугробы повсюду.
Все деревья стоят в серебре.
Зазывает мороз в царство чуда.

Куйбышев. 7 класс. Я с боксером по имени Ральф. Шубка голубого цвета куплена в Ленинграде мачехой после долгих поисков. Голубой и темно-синий до сих пор мои любимые цвета

Разговор под Рождество

Обещала Николаю Угоднику:

Напишу.

Успокоилась и забыла, родненький,

О прощеньи прошу.

Обещала: Вечером, вечером

Помолюсь.

А сама пела песни.

Изгоняла из сердца грусть.

Рождество по земле гуляет.

Вьюга кружит,

На столе пироги есть к чаю,

Вкусный ужин.

Со свечами сидели, беседуя,

Вспоминали от нас ушедших,

Перемешаны радости с бедами,

В настоящей жизни, в прошедшей.

Обращаемся мы

К Заступнику в Рождество.

О прощении просим, о милости,

И чтоб ладилось Ремесло.

Чтобы дети росли послушными,
Почитали отцов,
Чтобы песня лилася вольная,
И душа не знала оков.

Я молюсь Николаю Угоднику,
О прощеньи прошу.
Надоумь меня грешную, родненький,
Одари. Что смогу-снесу.

Племянница. Ольга Зверева.

Оля

Твои губы опять в шоколаде,
ты смеёшься над глупою шуткой.
Я готов говорить об эстраде,
лишь с тобою побыть хоть минутку.

Завтра вновь уезжаешь на Волгу:
Лодка, пляжи, закатные зори,
и остаться просить, нет в том толку.
Зря опять убеждаю и спорю:

Что глаза твои глубже, чем море,
что полюбишь песчаные дюны,
белый парус в безбрежном просторе —
талисман для влюблённых и юных.

А в ответ, рассмеявшись лукаво
и допив остывающий чай,
из кармана платочек достала,
губы вытерла... «Не начинай.

Ну, зачем, повторять всё сначала...
В сентябре снова встретимся в школе».
Я кивал, улыбаясь, устало.

Так всегда с этой ветреной Олей.

Столик в новом кафе у причала.

Официант подаёт чёрный кофе.

Мне рукою опять помахала.

Я люблю эту милую Олю.

11 лет

Счастье!

Моей однокласснице с которой мы сидели за одной партой в 6 классе. Её изложение на уроке учительница русского прочитала нам, как пример нелепейшего построения фраз в предложении. Лапы енота она называла – руки, мордочку -лицом. Все смеялись, а я всегда была очень снисходительна к чужим промахам. Девчонке вообще не давалась учеба. И, чтобы её развеселить, я сказала ей, что сама ничего не смыслю в литературе, но у меня есть дрессированный боксер – собака Ральф, которого отчим привёз из Германии, где работал врачом в военном госпитале. И она поверила. А потом пришла ко мне и попросила показать собаку. Честное слово, я так растерялась, скорее остолбенела от удивления. А потом, когда ситуация прояснилась, мы долго хохотали. Вот я её и вспомнила, как веселый эпизод из школьной жизни.

Опять тебя дурачу чертовщиной,
Моя соседка с рыжей гривой львиной,
Ты с обожаньем слушаешь рассказ
О том, как я учу урок домашний, —

Он небылицей яркою раскрашен,
Будто простой набросок карандашный
Штрихует сине-красная гуашь.

И просто, чтобы паузу заполнить, —

Давно решён пример и есть ответ,
Плету весёлый фэнтези сюжет:
Мол, успеваю всё всегда по дому:
Уроки выучить, помочь домашним,

Сходить за хлебом, солью, простоквашей. —
Всё потому, что есть, дружок бесстрашный,
Боксер. И дрессированная кошка
По дому помогает мне немножко:

Собака пылесосит поутру,
Выносит мусор, кошка подметает,
Газету нам в киоске покупает.
Всё правда, Валентина, я не вру!

Ты смотришь с недоверьем, настороженно...
Я продолжаю: Иногда ведь сложно
Бывает сочиненье написать.
И тут мою собаку не унять!
Пёс умный мне с сюжетом помогает,

А кошка в нём ошибки проверяет,
Она глупа. И часто только бред
Легко ложится на листок тетрадный.

Порой обидно, злит, поверь, досадно

Увидеть, как итог, открыв тетрадь:
Кол – русский, а литература пять!
Собака получает сахарок,
Мне лижет руку преданный дружок.

А кошка, что? Она другой породы.
Вальяжна, своенравна, веришь, с роду
Не повинилась за такой позор,
А я ведь часто получала кол.

О! Сколько лет прошло!
И не забыть.
Со мной за партой – девочка, соседка.
В её тетради тройка очень редка.

Всё два, и два, и два, и два.
Безрадостная скучная пора.
Я вызвалась помочь ей навестать
Всё то, что не усвоено, и пять,

Быть может, ей удастся заслужить.
Она меня решила расспросить:
«Уроки, спорт, и хор, и КВН?
Как будто не имеешь ты проблем.

Чтоб приготовить ужин и обед,
Не избежать мороки магазинной —
Есть не везде и по талонам хлеб,
Кефир лишь утром в очереди длинной,

А молоко в цистерне за углом.
На маминых плечах родильный дом.
Тебя мне старший брат ставит в пример».
Да, брат её завидный кавалер.

Моя соседка, нет наивней в мире!
Ты с недоверьем слушаешь рассказ.
Мой пес неряшлив, кошка — нет ленивей!
Да кто ж уроки выучит за нас?

Соседка, беззаботная подружка,
Ты шутку разгадала, хохотушка!
Я лишь хочу, чтоб поняла ты, Валя.
Оценка, лишь хлопушка в карнавале.

А сердце доброе и выющаяся чёлка —
Твой серпантин на карнавальной ёлке.
Вперёд по жизни с рыжей гривой львиной!
Пятерка!! Если сможешь стать счастливой!

Апрель

На черном – белым, чтоб сумел прочесть
Не усомнившись в четкости виденья.
Пишу тебе – и зацветает сад,
Апрельский сад – моей души творенье.

Мне снилась радуга

О! Боже мой! Какая сладость!

Так радуга сиять могла бы
после короткого дождя.

Так солнце осветило б берег
реки, проснувшись на заре.

О! Боже мой! Весь мир сияет,
и грусть владения уступает
свои сияющей весне.

О! Боже мой!

Оно проснётся, уснувшее
без грёз, без солнца,
забытое в январской стуже,
замёрзшее без добрых слов,
усталое, больное сердце,
оно сумеет отогреться.

Оно сумеет отозваться
на звон капли на дворе,
и застучать под ритм чечёток,
освоив выверенность чёток.

Ему вернуть сумеет радость
влюбленность, та, что снилась мне

Летний дождик

Заглянул летний дождик в глаза,
Мне твоей тоски не унять,
Я могу лишь вместе с тобой
На скамейку слёзы ронять.

А ещё сердиться на всех,
Гроыхать июньской грозой.
И ещё могу целовать
Твою грудь, лицо и ладонь.

Закружил ярких молний каскад.
Оглушил своей музыкой гром,
Убежала в испуге тоска,
И танцуем мы вместе с дождём.

И смеётся уже летний дождь,
В небе радуга мостик зажгла.
В гости к ней убежал летний дождь,
Я стою на аллее одна.

Осветил небо солнечный свет.
Ярких радуг вспыхнул каскад.
Закружил нас жасминовый цвет

В белом вальсе под песню цикад.

Заглянул летний дождик в глаза:
Мне твоей тоски не унять,
Попросил я жасминовый куст,
Светом радостным ярко сиять.

Я могу в свете радуг тебе,
Поцелуи беспечно дарить.
Будет лето сегодня с тобой
О любви говорить.

1975 год. Клязьминское водохранилище. Алексей, Женя,
Михаил Агрономов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.